

Ф.Перченко, Д.Зубарев
НА ПОЛПУТИ ОТ ПОЛУПРАВД
О таганцевском деле и не только о нем¹

*Юристы*², реабилитировав всех, поставили последнюю точку; время историкам искать нити и пружины тайной антибольшевистской организации — вот сегодняшняя ситуация вокруг таганцевского дела 1921 года («дело ПБО»).

Напомним фон. Мирное неповиновение рабочих и студентов Питера и моряков Кронштадта (февраль-март) вызвало в тот год двойную цепь действий молодой власти. Одна линия — реальные и демонстративные уступки НЭПа. Другая — подавление отборной силой сначала кронштадтского «мятежа», затем — повстанчества по всей стране. Расправа с побежденными (с нее зимой 1920-21 начался «мир» в Крыму), неизбежная после Кронштадта: в повестках дня Политбюро — вновь и вновь вопрос об уцелевших «кронштадтских бандитских моряхах»: их готовят к отправке то на юг (план создания лагеря ВЧК в закаспийской пустыне на Челекене), то на север (идея «дисциплинарной колонии» в Ухте). Мировой пожар чадит; мартовская вспышка в Гер-

¹ После выхода вып.1 альманаха «Звенья» с публикацией Ф.Ф.Перченка (под псевдонимом И.Вознесенский) «Из ранних свидетельств о деле ПБО», в печати появился ряд откликов, в которых публикатор обвинялся чуть ли не в клевете на расстрелянного профессора В.Н.Таганцева. Поводом для этого была осторожная фраза в предисловии о том, что «если верна версия, попавшая на страницы "Последних новостей", то признания (не оговоры!) В.Н.Таганцева и некоторых других, поверивших в конец братоубийства, могут, в известном смысле, рассматриваться как не оправдавшая себя попытка проложить путь к гражданскому миру в условиях окончившейся гражданской войны. Наивной безнравственностью Таганцева и других "разоружившихся" карательное ведомство воспользовалось для нащупывания перспективных, с его точки зрения, методов следствия, от которых прямая дорога к будущим "показательным" процессам» (М., 1991. С.465). Острота ситуации состояла в том, что как раз тогда начался процесс юридической реабилитации фигурантов «таганцевского дела». Не желая замедлить этот процесс и вообще как-то влиять на его ход, Ф.Ф. не считал возможным выступать с публичным ответом своим оппонентам вплоть до окончательного решения Прокуратуры. Лишь в декабре 1992, когда реабилитация состоялась, он (по моему настоянию) этот ответ написал, но не приложил никаких усилий для публикации: когда речь шла о самозащите, полемический темперамент его оставлял. При настоящей публикации я дополнил этот текст Ф.Ф. фактическим материалом и примечаниями (*Прим. Д.И.Зубарева*).

² Здесь и далее курсив авторов.

мании потушена, зато в марте взят Тифлис, в апреле — Эривань, в июле — Урга. С начала июня ясны масштабы нового бедствия: голод. Общественный комитет помощи голодающим налаживает эту помощь через голову правителей и в обход новых бюрократических структур; ведущие деятели комитета арестованы 27 августа — в день подписания правительством договора с Ф.Нансеном о помощи с Запада.

В этом общем контексте читается «дело ПБО». Весной — аресты военных моряков, в июне — аресты в среде петроградской интеллигенции; 29 июня Ф.Дзержинский докладывает о заговоре пятерке членов Политбюро (В.Ленин, Л.Троцкий, Г.Зиновьев, В.Молотов, Л.Каменев); за дальнейшим развитием «дела икс» наблюдает сам Ильич; следуют новые волны арестов; на 800 с лишним человек «привлеченных» спешно составляют 382 тома «дела», кого-то выпускают по практическим соображениям, многих задерживают в городском концлагере (бывшая тюрьма «Кресты»), 80 с лишним человек (т.е. каждого десятого: «норма» времен гражданской войны) расстреливают; список первой, и самой крупной, партии расстрелянных публикуют 1 сентября. Такова канва. Отдельные, разрозненные, во многом выразительные подробности — в десятках публикаций последних лет³.

И вот — реабилитация всех. Реабилитация, основанная, очевидно, на том, что следствие велось с нарушением элементарных правовых норм, не были добыты неоспоримые доказательства вины осужденных, заочный приговор вынесен не судом, а президиумом ПетроЧК (достоянием гласности стал, впрочем, конечный вывод, а не анализ дела и не текст реабилитационного определения).

Справедливость торжествует. Но значит ли это, что не было ни заговора, ни Петроградской боевой организации — ПБО?

Прежде чем рассмотреть один из возможных ответов, перелистнем страницы минувшего еще дальше назад и в поисках исторической параллели задержимся на деле петрашевцев.

³ Выделим публикации: Лукницкий С. Дорога к Гумилеву // Московские новости. 1989. 26 ноября; Хлебников О. Дело Гумилева: Шагреневые переплеты // Огонек. 1990. №18; Тименчик Р. По делу №214224 // Даугава. 1990. №8; Сажин В. Предыстория гибели Гумилева // Там же. №11; Шошков Е.Н. Хроника разгрома Петроградской боевой организации // Смена (Ленинград). 1991. 24 августа; а также книгу В.Лукницкой «Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких» (Л., 1990), содержащую достаточно полную публикацию тома 177 («гумилевского») дела №214224 из бывшего Центрального архива КГБ СССР. Помимо указанной выше публикации в альманахе «Звенья», предварительные разыскания по данной теме одного из авторов этой статьи см.: Перченков Ф.Ф. Список расстрелянных // Новый мир. 1989. №4.

В документах следствия и суда 1849 года, публиковавшихся с 1898 (полной публикации нет до сих пор), *не содержится* материалов о *внутреннем* («спешневском») кружке: ни Достоевский, ни остальные шесть его участников — Спешнев, Мординов, Момбелли, Филиппов, Григорьев, Милютин, ни приглашенный к участию в заговоре (и отказавшийся) Аполлон Майков — не «раскололись» на следствии, и, таким образом, в следственном деле сведений о заговоре нет и быть не может. Более того, *все семеро* молчали об этом *всю жизнь*. Достоевский лишь глухо намекнул однажды в «Дневнике писателя»: «совсем не в Петрашевском было и дело во всей этой давно прошедшей истории». И только через 36 лет А.Майков в письме к П.А.Висковатову (1885) рассказал о событиях 1849 года: и о целях заговорщиков, и о печатном станке, собранном в квартире одного из них, а после его ареста выкраденном из опечатанной комнаты его родственниками. Но даже в этом письме Майков называет только *две* фамилии заговорщиков — тех, про кого ему точно известно, что их нет в живых, и, таким образом, его откровенность уже не может им повредить. Что же до остальных пятерых, то их имена он назвал *только в устном рассказе*, и, если бы не предусмотрительность его друга А.А.Голенищева-Кутузова, записавшего рассказ (запись опубликована в 1956 — через 107 лет после суда над петрашевцами!), то истории не имели бы *никаких* документальных подтверждений состава заговорщиков⁴.

Вернемся к таганцевскому делу.

25 марта 1922 один из бывших руководителей «Информационного бюро» (Российского эвакуационного комитета, далее — РЭК — той части савинковской организации, которая занималась боевой работой в России) А.Ставрогин (псевдоним) пишет документ под названием «Правда о савинковцах (не для печати)», где вспоминает события годичной давности: «/.../ появились в советской печати ("Правде", "Известиях" и др.) подробные отчеты ВЧК о раскрытии антибольшевистской организации в Петрограде (процесс] Таганцева и др., всего 61 чел.) и связи их с Савинковым /.../ В той части, которая касалась организации Савинкова, он был точен до мельчайшей подробности /.../ Была ли налажена связь с Петроградом — не знаю, но знаю, что попытки эти делались, и брюлевская гостиница была осведомлена о существовании в Петрограде антибольшевистской организации и о характере ее

⁴ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т.21. Л., 1980. С.129; Там же. Т.18. Л., 1978. С.117-195, 306-365; Достоевский Ф.М. Статьи и материалы. Сб.1. Пг., 1922. С.266-167; Исторический архив. 1956. №3. С.222-226.

работы. Центр указывал, что петроградский район наилучше подготовлен к восстанию и обладает для этого достаточными силами, но боится провала, ввиду того, что организация разбухла»⁵.

Существует протокол заседания РЭК от 3 мая 1921, где стоял отчет Савинкова о поездке в Париж с целью «подготовить французское правительство к ожидающимся в России событиям»; Савинков встречался с военным министром Барту и маршалом Фошем. Несколькими днями позже, 9 мая, Савинков писал своему другу К.Вендзягольскому: «Поступающие из России сведения свидетельствуют о неизбежности весьма крупных событий в течение этого лета, причем события эти могут повлечь за собой падение коммунистической власти»⁶.

Июньские аресты в Петрограде не сломили уверенности Савинкова в больших возможностях питерского подполья: «По нашим точным сведениям, в Западной России, на Украине, в Белоруссии, в *Петрограде* [курсив наш. — Ф.П., Д.З.] вероятны в близком будущем серьезные события»⁷.

Итак, историк с достаточной долей уверенности может предположить, что летом 1921 заговор в Петрограде *был*. О нем знали далеко за его пределами — в Варшаве, Париже и даже во Владивостоке. На заговорщиков надеялись. И не делали из их существования особой тайны. Ответ чекистов не замедлил себя ждать. После сообщения о раскрытии заговора⁸ варшавская «Свобода» дала знать, что варшавский центр эмиграции потрясен действиями ВЧК, подрывающими его планы и наносящими удар по реальной боевой силе⁹. Не делали тайны эмигрантские газеты и из принадлежности к подполью Ю.Германа, погибшего к тому времени от пуль чекистов и неоднократно упомянутого в «гумилевском» томе следственного дела¹⁰.

⁵ ГА РФ. Ф.5784. Д.38. Л.36. В материалах Пражского архива документ имеется в нескольких экземплярах. В варшавской гостинице «Брюль» размещалась штаб-квартира РЭК, во главе которого стоял Б.В.Савинков и частью которого было «Информационное бюро».

⁶ Там же. Л.187-190 (протокол), 148-153 (письмо). Кароль Вендзягольский — посредник между РЭК и начальником Польского государства Ю.Пилсудским, инициатор участия русских эмигрантов в походе против советской России.

⁷ Общее дело (Париж). 1921. 14 июля. — Телеграмма Савинкова управляющему делами Владивостокского правительства Колесникову (послана из Варшавы открытым текстом).

⁸ Петроградская правда. 1921. 27 июля.

⁹ Великая провокация // Свобода. 1921. 5 августа. С.2-3.

¹⁰ П.Ф. Письмо из Петрограда // Общее дело (Париж). 1921. 13 июля. С.2; К расстрелу 61 // Там же. 16 октября. С.1; К расстрелу 61 // Руль (Берлин). 1921. 22 октября. С.6.

Ряд свидетельств касается конкретно Н.С.Гумилева. Б.Харитон сообщил, что Гумилев показывал ему прокламации в дни Кронштадта¹¹. И.Одоевцева писала о признании Гумилева в причастности к подполью, об оружии и деньгах в его доме¹², а затем в интервью «Вопросам литературы» вспомнила еще об одном участнике подполья — не названном по имени поэте, о котором ей сказал Гумилев¹³. Отыскалось имя этого поэта — Лазарь Берман: в 1974 В.Сажиным был записан устный рассказ Бермана о том, как именно он ввел Гумилева в круг заговорщиков и как тот летом 1921 распространял листовки¹⁴. Обратим внимание на то, что именно этот сюжет 80-летний человек категорически отказывался зафиксировать на магнитной ленте, и сравним с поведением А.Майкова в 80-е годы прошлого века. Такими же решительными противниками обнародования свидетельств об участии Гумилева в антибольшевистской борьбе были его близкие — А.А.Ахматова и Л.Н.Гумилев. Они возражали против этих свидетельств по мотивам человечески вполне понятным, считая их по смертными доносами на трагически погибшего поэта и помехой его юридической и литературной реабилитации.

К сегодняшнему дню наиболее весомая — и независимая от ВЧК — информация о реальной первооснове «дела ПБО» исходит от Б.П.Сильверсвана (1883-1934) — филолога-германиста, коллеги Гумилева по «Всемирной литературе». Он побывал в чекистской тюрьме незадолго до начала таганцевского дела (выпущен в феврале под поручительство М.Горького). Избежал нового ареста, на лодке бежал с семьей в Финляндию. На основе сведений, собранных в Петрограде и Финляндии (стихийная гласность тогда причудливым образом переплеталась с конспирацией), написал по свежим следам, как мы предполагаем, три статьи о Петроградской ЧК и о деле ПБО. В октябре 1922 статьи, подписанные буквой С., появились в парижских «Последних новостях» (две из них републиковны в 1-м выпуске «Звеньев»). Когда в 1931 А.В.Амфитеатов поместил в газете «Сегодня» статью к 10-летию расстрела Гумилева, Сильверсван откликнулся частным письмом:

Гумилев несомненно принимал участие в Таганцевском заговоре и даже играл там видную роль /.../ в конце июля 1921 г. он предложил мне вступить в эту организацию, причем ему нужно

¹¹ Харитон Б. Гумилев — каким мы его знали // Сегодня (Рига). 1926. 27 августа.

¹² См.: Одоевцева И. На берегах Невы. Париж, 1967. С.336-337.

¹³ Вопросы литературы. 1988. №12.

¹⁴ Даугава. 1990. №11. С.92-93.

было сперва мое принципиальное согласие (каковое я немедленно и от всей души ему дал), а за этим должно было последовать мое фактическое вступление в организацию, предполагалось, м. проч., по-видимому, воспользоваться моей тайной связью с Финляндией, т.е. предполагал это, по-видимому, пока только Гумилев; он сообщил мне тогда, что организация состоит из «пятерок»; членов каждой пятерки знает только ее глава, а эти главы пятерок известны самому Таганцеву; вследствие летних арестов в этих пятерках оказались пробелы и Гумилев стремился к их дополнению; он говорил мне также, что разветвления заговора весьма многочисленны и захватывают влиятельные круги Красной армии; он был чрезвычайно конспиративен и взял с меня честное слово, что о его предложении я не скажу *никому* [курсив Б.Сильверсвана], даже Евд.П., матери и т.п. (что я исполнил); я говорил ему тогда же, что ввиду того, что чекисты несомненно напали на след организации, м.б. следовало бы временно притаиться, что арестованный Таганцев, по слухам, подвергнут пыткам и может начать выдавать; на это Гумилев ответил, что уверен, что Таганцев никого не выдаст и что, наоборот, теперь-то и нужно действовать; из его слов я заключил также, что он составлял все прокламации и вообще ведал пропагандой в Красной армии; Ник. Степ. был бодр и твердо уверен в успехе /.../. Я ужасно боялся, что в руках чекистов окажутся какие-нибудь доказательства против Ник. Степ., и, как я потом узнал от лиц, сидевших одновременно с ним, но потом выпущенных, им в руки попали написанные его рукою прокламации и гибель его была неизбежна¹⁵.

В доверительной части письма Сильверсван передал свой разговор с Горьким перед бегством за границу. «Мой совет, — всем уезжать, кто только может, — сказал ему Горький, — они ведь всех убьют, всю интеллигенцию уничтожат». В тот момент Горький собирался, вырвавшись за границу, рассказать правду о советских вождях, но вместо разоблачений написал о них восторженные статьи («я не считаю Горького "продавшимся"», — замечает Сильверсван, — а считаю его, прежде всего, человеком *непросвещенным* [курсив Сильверсвана], а кроме того — легко поддающимся чужому влиянию»). Для нас важен конец этой части письма,

¹⁵ Часть письма Б.П.Сильверсвана А.В.Амфитеатрову (от 20 сентября 1931), цитируемая здесь, опубликована как выдержка из письма «профессора С.» в статье: Амфитеатров А.В. Таганцевская загадка // Сегодня (Рига). 1931. 25 октября. Более полная публикация принадлежит В.Крейду: Панорама (Лос-Анджелес). 1989. 15-22 декабря. Этот последний текст приведен Р.Д.Тименчиком в статье, упомянутой в примечании. Именно эта работа, содержащая библиографию (40 названий), положила начало научному анализу приводимой здесь версии. Упомянутая в тексте письма Евдокия Петровна Струкова — жена Сильверсвана.

свидетельствующий о самоцензуре эмигрантских авторов и о путях сохранения ими важных для них свидетельств: «Этот любопытнейший разговор я не сделал — и не сделаю — достоянием печати, пока существуют большевики; о нем знают только мои близкие и Ю.А.Григорков. Повторяю, в искренности Горького я не сомневаюсь; сообщаю Вам копию моей записи доверительно; одно время я так злился, что хотел опубликовать эту беседу в "открытом письме Горькому", но решил, что пока большевики не сдохли, это может быть похоже на донос, и мы с Евд.П. решили держать это под спудом, сообщая лишь близким друзьям»¹⁶.

Следующее письмо Сильверсвана к Амфитеатрову написано 27 октября 1931 (не публиковалось):

Дорогой Александр Валентинович!

Сегодня прочитал в рижской газете Вашу статью с цитатами из моего письма к Вам. Я не хотел бы, чтобы у кого-либо со-здалось впечатление, будто я осуждал Таганцева и бросал в него камнем; надеюсь, что Вы это не подумали. Однако же, как это ни печально, но Таганцев именно выдавал, т.е. предавал в руки чужих людей — как замешанных в деле, так даже и не замешанных /.../. Таганцеву была обещана жизнь, но его, конечно, обманули. Поверьте, что я это знаю все не из окружения Горького, а от самых надежных и чистых людей. Что кас[ается] заговора, то о нем я многое узнал еще и здесь, в Финляндии, от участников его, переходивших часто границу в связи с ним, а сейчас проживающих здесь. История этого дела когда-нибудь станет известной во многих деталях, теперь же, по многим причинам, невозможно ее раскрывать. Ник. Степ. действительно не успел посвятить меня как следует в это дело, но если б это случилось, то я бы фактически вошел в организацию и, конечно, тоже не уцелел бы, а что Ник. Степ. знал много — я в этом не сомневаюсь. Я же, действительно, ничего не знал, т.к. Н.Ст. имел об этом со мной только один разговор, в котором обрисовал дело лишь в самых общих чертах. После расстрелов я еще два месяца оставался в Петербурге и рассказов слышал много, много, разумеется, и чепухи, но что касается роли Таганцева в гибели стольких людей, — то она для меня совершенно ясна. Я, конечно, далек от того, чтобы проклинать его память, — он перенес м.б. в тысячу раз больше всевозможных мучений, чем все остальные, и все это один Бог может рассудить; я жалею его глубоко, несмотря ни на что; человека, попавшего в руки дьяволов в человеческом образе, невозможно судить как свободного человека. Я никогда не писал об этом деле потому именно, что не хотел

¹⁶ Фрагмент письма, начиная со слов «в это время я так злился...», опущен В.Крейдом в публикации «Панорамы». Печатается впервые по автографу из архива А.В.Амфитеатрова.

заявлять, что чекисты «с своей стороны» как бы действовали разумно и не столько лгали, как всегда, в этом случае; я считал, что *даже таких слов* [здесь и далее курсив Сильверсвана], которые кем бы то ни было могут быть истолкованы хотя бы в смысле том, *что эти гады поступили «целесообразно с своей точки зрения», — не следует говорить никогда.* Поэтому, пусть лучше останется Ваша версия, — что «заговор» сочинен этой сволочью и что люди погибли без причины и без повода. /.../¹⁷.

Письма Сильверсвана, конечно, не содержат абсолютной истины. В них остаются недоговоренности, есть внутренние противоречия (если подтвердится предположение, что ему принадлежит и авторство статей 1922 года в «Последних новостях», трудных для объяснения расхождений обнаружится еще больше). Тем не менее, от этого источника — и ни от какого другого — не отмахнуться. Горы и горы придется перевернуть, прежде чем откроются тайны тогдашней войны одних конспираторов против других. Для понимания таганцевской истории, вероятно, понадобится разгадать и тайну «советского сверх-Азефа», наиболее известного под одной из своих многочисленных кличек как Эдуард Опперпут¹⁸.

Генеральной Прокуратуре, в известном смысле, было легче: она не обязана в поисках истины привлекать, например, материалы РЗИА или эмигрантской прессы — *историкам* без этого не обойтись.

Приходится об этом писать, потому что с реабилитацией осужденных по «делу ПБО» вырастает соблазн упрощенных и прямолинейных трактовок этого «дела», тем более что разница между юридическим расследованием и историческим исследованием далеко не всегда осознается пишущими¹⁹ (проблема разделе-

¹⁷ Полностью это письмо, обнаруженное итальянской исследовательницей Э.Гарэтто в фонде Амфитеатрова (отдел рукописей Библиотеки Лилли, Университет штата Индиана, США), будет опубликовано в сборнике «Александр Амфитеатров: Переписка», готовящемся к печати под ее редакцией в издательстве «Феникс» (Москва).

¹⁸ Он же Спекторский, он же — Селянинов, Стауниц, Касаткин, Петров, Ринг, Савельев, Грачев, Валин Карл, Коваленко, фон Мантейфель. Настоящее имя — Александр (или Фриц) Упениньш (Упелинец) (1894-1943?). В июле 1921 посажен (подсажен) в камеру к Таганцеву (см. его «воспоминания» об этом: Опперпут о себе самом // Сегодня (Рига). 1927. 1 ноября. С.3).

¹⁹ См. сочинения политолога В.Грязневича: Запланированный заговор // Смена (Ленинград). 1991. 24 августа; Профессор Таганцев и другие: пренебрежение банальными истинами // Час пик (Ленинград). 1991. 23 декабря; а также «специалиста в области маргинальных проблем истории литературы» Д.Фельдмана: Правила игры // Континент (Париж). 1991. №68. К сожалению, поверхностные суждения указанных авторов принимаются как доказанные факты даже на страницах специальных изданий (например: De Visu. 1993. № 1. С.62).

ния литературных функций в чем-то аналогична проблеме разделения властей, и практика некомпетентного вмешательства и навязывания чуждых норм встречается слишком часто). Прошлое теперь действительно принадлежит всем, но нельзя же его рвать и кромать без правил.

Теперь, после реабилитации, идея «запланированного заговора» грозит возобладать над остальными. Между тем, история просто обесмысливается идеей, будто все заговоры придумали карательные органы. История превращается в этом случае в кровавый фарс, которым она все же не смогла стать, несмотря на все старания драматургов из ЧК. Цели, которые ставились той или другой стороной, собственно говоря, не достигались никогда, результаты всегда (сегодняшний опыт помогает это понять) таили в себе большой элемент неожиданности и нежеланности. Так и в «деле ПБО», одержав сиюминутную победу, власть потерпела такое моральное поражение, которое и к сегодняшнему дню еще не проявило себя до конца.

Имеет ли логический предел процесс реабилитации? Будет ли, например, реабилитирован А.В.Колчак? А ведь должен (и его всем известная борьба с Советами не должна остановить прокуроров, которые станут исследовать процесс судопроизводства): допрос — не завершен, суда — не было, расстрел — назначен ленинской шифровкой из Москвы...

Впрочем, *историка* реабилитация и не должна интересовать. Ему важно другое: *как все было на самом деле*.

Ф.Перченко, декабрь 1992

Д.Зубарев, февраль 1994